

ВОСТОЧНАЯ СПЕЦИФИКА «СИНТЕТИЧЕСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОСТИ» (НА ПРИМЕРЕ СТРАН БЛИЖНЕГО ВОСТОКА И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ)

ФЕОФАНОВ Константин Анатольевич

доктор политических наук, профессор, ведущий научный сотрудник
Центра междисциплинарных исследований, Институт научной информации
по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН)

E-mail: konstantin.feofanov@gmail.com

SPIN-код: 5086-2934

ORCID: 0000-0002-2279-5292

Для цитирования: *Феофанов К.А.* Восточная специфика «синтетической общественности» (на примере стран Ближнего Востока и Центральной Азии) // Ближний и Постсоветский Восток. – 2026. – № 1 (13). – С. 7–24. – DOI: 10.31249/j.2949-2408.2026.01.01.

Аннотация. В статье исследуется феномен «синтетической общественности» в специфическом социокультурном и политическом контексте стран Ближнего Востока и Центральной Азии. Анализируются процессы трансформации публичной сферы под влиянием цифровизации и искусственно создаваемых дискурсов, которые в восточных обществах приобретают уникальные гибридные формы. Ключевые области анализа включают механизмы цифровой симуляции общественного мнения, делиберативные теории как дискурсивную основу понимания «синтетической общественности» и их ограниченность в условиях восточной цивилизационной специфики, анализ феномена «синтетической общественности», специфику восточных дипфейков и ИИ-пропаганды, эмпирические особенности использования социальных медиа для управления общественными настроениями в странах Ближнего Востока и Центральной Азии, что позволяет выявить устойчивые паттерны взаимодействия власти и цифрового общества в данных регионах. В отличие от западных моделей, где «синтетическая общественность» зачастую является продуктом децентрализованных алгоритмов, в рассматриваемых регионах она тесно переплетена с традиционными иерархическими структурами, клановыми связями и государственным патернализмом. В статье показано, как инструменты цифровой манипуляции (астротурфинг, бот-сети, дипфейки, генеративные текстовые модели, микротаргетинг, алгоритмическая цензура, государственные супераппы и суверенная инфраструктура) адаптируются к локальной цивилизационной специфике, создавая иллюзию массовой

поддержки или протеста. Делается вывод, что «синтетическая общественность» в странах Ближнего Востока и Центральной Азии является не только инструментом политического контроля, но и механизмом конструирования новой коллективной идентичности в условиях цифровой алгоритмизации общественно-политического дискурса.

Ключевые слова: синтетическая общественность, генеративный искусственный интеллект, политический дискурс, большие языковые модели (LLM), дилиберативные теории, цифровой авторитаризм, манипуляция общественным мнением, цивилизационная специфика, Ближний Восток, Центральная Азия.

Eastern Specifics of “Synthetic Publics”: Case of Middle East and Central Asia

Konstantin A. FEOFANOV

DSc in Political Science, Professor, Leading Researcher
of the Center for Interdisciplinary Research, Institute of Scientific Information
for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences

E-mail: konstantin.feofanov@gmail.com

SPIN-code: 5086-2934

ORCID: 0000-0002-2279-5292

For citation: Feofanov K.A. (2026). Eastern Specifics of “Synthetic Publics”: Case of Middle East and Central Asia. *Middle & Post-Soviet East*, no. 1 (13), pp. 7–24. (In Russ.) DOI: 10.31249/j.2949-2408.2026.01.01.

Abstract. The article examines the phenomenon of “synthetic publics” in the specific sociocultural and political context of the Middle East and Central Asia. It analyzes the transformation of the public sphere under the influence of digitalization and artificially created discourses, which in Eastern societies are acquiring unique hybrid forms. Key areas of analysis include the mechanisms of digital simulation of public opinion, deliberative theories as a discursive basis for understanding “synthetic publics” and their limitations in the context of Eastern civilizational specifics, an analysis of the phenomenon of “synthetic publics”, the specifics of Eastern “deepfakes” and AI propaganda, and empirical features of the use of social media to manage public sentiment in the Middle East and Central Asia. This allows to identify stable patterns of interaction between government and digital society in these regions. Unlike Western models, where “synthetic publics” are often the product of commercial algorithms, in these regions they are closely intertwined with traditional hierarchical structures, clan ties, and state paternalism. The article demonstrates how digital manipulation tools (astroturfing, botnets, deepfakes, generative text models, microtargeting, algorithmic censorship, state super-apps, and sovereign infrastructure) adapt to local civilizational specifics, creating the illusion of mass support or protest. It concludes that “synthetic publics” in the Middle East and Central Asia are not only a tool of political control but also a mechanism for constructing new collective identities in the context of the digital algorithmization of sociocultural and political discourse.

Keywords: synthetic publics, generative artificial intelligence, political discourse, large language models (LLM), deliberative theories, digital authoritarianism, manipulation of public opinion, civilizational specificity, Middle East, Central Asia.

Введение

В условиях стремительной алгоритмизации публичной сферы и глубокой трансформации медиакommunikаций традиционные механизмы формирования общественного мнения претерпевают качественные изменения. В современной социально-политической реальности на смену органическим формам гражданского участия все чаще приходит феномен «синтетической общественности» (*synthetic publics*). Если раньше поиск посредством Искусственного интеллекта (ИИ) (Google, Microsoft Bing, Yahoo! и др.) работал как библиотекарь – выдавал список источников, предоставляя возможность самостоятельно анализировать их, спорить с ними и делать выводы, то теперь стало возможно использовать дискурсивные ИИ-инструменты (ChatGPT, Perplexity, Google AI Overviews и др.), которые сами синтезируют ответ, предлагая «готовое мнение» или резюме дискуссии. Они перестают быть посредниками и становятся авторитетными «арбитрами фактов». Эволюционируя от ручного управления простыми чат-ботами к сложным мультиагентным LLM-системам (*large language models, LLM*), способным имитировать человеческое поведение и убеждать, ИИ обретает выраженные характеристики субъектности и синтетической публичности. В политическом и социальном пространстве ИИ начинает участвовать в дискуссиях не как инструмент, а как равноправный, нередко неотличимый от человека, участник общения. Это позволяет моделировать общественное мнение без участия самих людей, формируя «синтетическую общественность» – искусственно созданные и технологически опосредованные сетевые структуры, которые имитируют коллективные настроения и волю, используя инструменты алгоритмической пропаганды, ботсети и генеративный искусственный интеллект.

Несмотря на глобальный характер цифровизации, механизмы функционирования «синтетической общественности» демонстрируют выраженную региональную вариативность. Особый исследовательский интерес в этом контексте представляют страны Ближнего Востока и Центральной Азии. В данных регионах технологические инновации накладываются на уникальный социокультурный ландшафт, характеризующийся высокой значимостью традиционных иерархий, клановых связей и специфических авторитарных моделей государственного патернализма.

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью переосмысления западных концепций цифровой публичности применительно к восточным обществам. В то время как в западном дискурсе «синтетическая общественность» зачастую рассматривается через призму децентрализованных алгоритмов манипуляции или кризиса либеральной

демократии, на Востоке она становится инструментом легитимации власти и конструирования новой национальной идентичности. Цифровой дискурс на Ближнем Востоке и в Центральной Азии обусловлен цивилизационной спецификой недемократических и транзитных режимов. В условиях жесткой цензуры цифровая среда остается единственной площадкой для дискуссий, что делает ее уязвимой для масштабных симуляций мнений с помощью ИИ-контента. В статье исследуются специфические политические процессы, возникающие в данных регионах под влиянием ИИ-технологий.

В статье предпринимается попытка проанализировать, как современные инструменты цифровой манипуляции (от астротурфинга до дипфейков) адаптируются к локальным культурным кодам и как «цифровая реальность» взаимодействует с традиционными институтами в этих регионах. Обосновывается тезис о том, что восточная «синтетическая общественность» является не просто искажением публичной сферы, а продуктом гибридизации высоких технологий и устойчивых культурных паттернов.

Механизмы цифровой симуляции общественного мнения

Симуляция общественного мнения – это сложный комплекс технологических и психологических методов, направленных на создание иллюзии массовой поддержки или протеста. Для достижения политических и экономических целей акторы цифрового дискурса намеренно распространяют контент различной природы: от материалов, созданных человеком, до синтетических данных, генерируемых нейросетями и социальными ботами. Манипуляция восприятием аудитории достигается как за счет специфики самого контента, так и путем программного воздействия на алгоритмы цифровых платформ¹. Распространение искаженной информации осуществляется политически активными силами, имеющими для этого необходимые намерения и ресурсы. Эти акторы (инициаторы и адресанты) общественно-политического дискурса реализуют массированное воздействие на аудиторию, используя выгодные им нарративы. Ключевым инструментом такого влияния являются информационно-коммуникационные симуляции, направленные на искусственное создание видимости «низовой» общественной инициативы. Так, в случае астротурфинга (*astroturfing*) нанятые исполнители или автоматизированные системы публикуют отзывы, посты, лайки и комментарии, имитируя искреннюю поддержку идеи обычными гражданами. В самом этом термине противопоставляются искусственное и натуральное в общественной жизни. Если настоящие народные движения называют *grassroots*, то астротурфинг представляет собой имитацию таких движений, т.е. «искусственную траву», название происходит от бренда *AstroTurf* – синтетического по-

¹ García-Marzá D., Calvo P. Algorithmic democracy: A critical perspective based on deliberative democracy. – Cham: Springer International Publishing. – 2024. – P. 12–14.

крытия, имитирующего травяной газон. В числе технических средств могут быть использованы цифровая визуальная обработка героев и анти-героев, компьютерная обработка фото- и видеоизображений для создания «идеальной» внешности в соцсетях, которая физически недостижима, но воспринимается еще лучше, эмоционально более окрашенно и ярко, чем могла бы восприниматься реальная (*persona simulation*). Для пропагандистской визуализации ложных событий используется сверхреалистичная графика. Гипертрофированная детализация, акцент на деталях, которые в жизни не замечаются, делает объект «реальнее реального». Дипфейки изначально нацелены на преднамеренное создание образов людей, которые говорят или делают то, чего не было в действительности².

Для доминирования в цифровой среде активно используются подставные аккаунты, «армии троллей» и бот-фермы. Интеграция с инструментами генеративного ИИ позволяет им вести связные диалоги и оперативно адаптироваться к контексту дискуссии. С целью фальсификации общественной поддержки применяются механизмы накрутки рейтингов и манипуляции результатами онлайн-голосований. Особое место занимают симуляции на базе больших языковых моделей (LLM), способные с высокой точностью имитировать речевые стратегии и поведенческие установки различных демографических групп. Нейросети позволяют генерировать распределения мнений, имитирующие репрезентативные результаты социологических исследований. Применение агентного моделирования (*ABM – Agent-Based Modeling*) дает возможность не только предсказывать, но и целенаправленно корректировать динамику дискуссий в социальных сетях через взаимодействие тысяч виртуальных субъектов. Технологии «оптимизации для поисковых систем», «черного SEO» (*Search Engine Optimization, SEO*) и перенасыщение среды сгенерированным ИИ-контентом («цифровым шумом») эффективно вытесняют органические мнения, формируя заданный информационный фон. Параллельно задействуются фундаментальные социально-психологические механизмы. Эффект «спирали молчания» и создание искусственных «эхо-камер» формируют иллюзию подавляющего большинства, вынуждая оппонентов самоустраняться из коммуникации из-за страха социальной изоляции. Симуляция остракизма и «культуры отмены» позволяют дискредитировать оппонента через инсценировку массового публичного осуждения. Наконец, использование симулякров – понятий, лишенных реального содержания, – позволяет подменять подлинную общественную дискуссию ложными постами и формальными процедурами.

² Иванов В.Г., Игнатовский Я.Р. Deepfakes: перспективы применения в политике и угрозы для личности и национальной безопасности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. – 2020. – Т. 7, № 4. – С. 379–386. – DOI: 10.22363/2312-8313-2020-7-4-379-386.

Делиберативные теории как дискурсивная основа осмысления «синтетической общественности»

Концептуальный фундамент понимания «синтетической общественности» заложен в теориях делиберативной (совещательной) демократии, имеющих западноевропейское и американское происхождение (Дж. Бессетт, Ю. Хабермас, Дж. Коэн и др.). Возникнув как результат критического анализа институтов западной демократии, данные теории фокусируются на коммуникативной и дискурсивной составляющих политического процесса. Они предлагают детальный инструментарий для изучения механизмов формирования общественного мнения, функционирования идеологии и пропаганды, а также специфики политического управления и гражданского участия в современных обществах^{3, 4}. Теория коммуникативного действия обосновывает достижение взаимопонимания через свободный от принуждения диалог. Принципы «идеальной речевой ситуации» (равенство участников, аргументированность, приоритет «силы лучшего аргумента») задают нормативную этику общественно-политического дискурса. Эвристическая ценность данных подходов заключается в выявлении универсальных закономерностей коммуникации, проявляющихся в различных цивилизационных условиях. Сравнительный политологический анализ на основе этих положений демонстрирует существенные различия в дискурсивных практиках, обусловленные западными и восточными детерминантами. Обращение к незападным контекстам обогащает существующие аналитические подходы, позволяя исследовать уникальные проявления «восточной» синтетической общественности. Использование западных дискурсивно-коммуникативных концепций не означает методологической западоцентричности, а представляет собой необходимую референцию к фундаментальным основам политических процессов, разработанным мировой наукой.

Классические западные подходы трактуют легитимность власти не как результат формального голосования, а как итог рациональной и аргументированной публичной дискуссии между равными гражданами. В этой парадигме политические решения требуют обоснования перед всеми субъектами, на которых они влияют. Однако в политической реальности стран Востока данные механизмы трансформируются под воздействием иных цивилизационных детерминант. Процедуры «свободного голосования» и рационального обмена доводами ради «общего блага» в условиях электорального авторитаризма зачастую приобретают декоративный характер. Дискурсивные процессы здесь направлены не на рота-

³ Хабермас Ю. Теория коммуникативного действия. В 2 т. Habermas J. Theorie des kommunikativen Handelns. 2 Bd. – Frankfurt am Main: Suhrkamp. – 1981. – 1165 S. – Немец. яз.

⁴ Cohen J. Deliberative Democracy: Essays on Reason and Politics / ed. by Bohman J., Rehg W. – Cambridge, MA: The MIT Press. – 1997. – 447 p.

цию власти, а на ее укрепление. В данных режимах широко используются технологии имитации легитимности: выборы проводятся для демонстрации народного согласия перед внутренним и внешним миром, а управляемая конкуренция ограничивается пулом лояльных кандидатов. Сами механизмы предвыборных обсуждений превращаются в инструмент мониторинга протестных настроений и оценки эффективности региональных элит. Процедура подсчета голосов, контролируемая вертикалью власти, исключает возможность незапланированных результатов. Объявление сверхвысоких процентов в поддержку действующего лидера становится актом демонстрации силы – месседжем о непоколебимости режима и бесперспективности оппозиционной активности. Тем не менее, несмотря на радикальные отличия от западных моделей, данные процедуры сохраняют свою значимость для авторитарных режимов Ближнего Востока и Центральной Азии. Они выступают специфическим механизмом достижения элитарного консенсуса и поиска «общего блага» в рамках существующей политической иерархии, подтверждая необходимость даже минимального присутствия элементов формального дискурса.

Концептуализация «синтетической общественности»

«Синтетическая общественность» представляет собой социокультурный феномен цифровой эпохи, основанный на технологическом конструировании искаженной социальной реальности. Его ключевой характеристикой является имитация массовой поддержки, гражданской активности или доминирования определенных взглядов в публичном пространстве. Технологический базис данного феномена включает разветвленные сети ботов, алгоритмы искусственного интеллекта, а также гибридные структуры: «фермы кликов» (*click farms*), использующие низкооплачиваемый человеческий труд, и «ботофермы» (*bot farms*), применяющие автоматизированные скрипты. Эти инструменты позволяют манипулировать количественными показателями цифровой активности (просмотрами, реакциями, комментариями и репостами), создавая ложные маркеры значимости контента как для политической манипуляции, так и для рекламного мошенничества с имитацией пользовательской активности, фальсификацией цифровых метрик, генерацией фиктивного трафика и манипуляцией показателями вовлеченности.

Наиболее эффективными технологиями формирования «синтетической общественности» остаются классические методы апелляции к авторитету или большинству. В частности, манипулятивное использование результатов социологических опросов помещает реципиента в контекст «широкой поддержки» определенной идеи или политической фигуры. Ссылки на экспертное мнение создают убедительный когнитивный фрейм, который подталкивает адресата к принятию одобряемой позиции, стигматизируя альтернативные точки зрения как некомпетентные. С целью

управления общественными процессами информация намеренно искажается или конструируется «с нуля» в соответствии с интересами инициаторов дискурса. Системное распространение фальсифицированного контента через сети аффилированных аккаунтов имитирует масштабное обсуждение, создавая эффект социальной значимости нарратива. В современных условиях механизмы «цифровой отмены» позволяют в кратчайшие сроки маргинализировать оппонентов: без доказательной базы и судебных процедур субъект может быть подвергнут ostracism, лишен репутации и выведен из публичного поля. Инструментарий цифрового воздействия – от астротурфинга и «фабрик троллей» до вирусного распространения катастрофических нарративов – позволяет заказчикам добиваться политических и экономических целей за предельно короткое время. В эпоху «постправды» эти технологии заменяют собой механизмы добросовестной конкуренции, позволяя форсированно достигать результатов, которые в условиях традиционной публичной сферы требовали бы десятилетий или были бы вовсе не возможны⁵.

В настоящее время в большинстве стран мира сформировались не только принципиально новые механизмы управления общественным мнением, но и качественно иные способы производства и трансляции знания во всех сферах – от политики и науки до культуры и искусства. В условиях тотальной селекции информации, когда «удобный» контент принимается, а противоречащий установкам – игнорируется, происходит размывание когнитивных границ. Утрачивается способность различать автоматизированные алгоритмические действия и органические реакции людей, что ведет к утрате критического восприятия и отрыву от объективной реальности.

Индивиды и социальные группы оказываются в замкнутых, «усеченных» информационных пространствах – эхо-камерах, где любые объяснения упрощены, разделяются единомышленниками и не требуют фактического подтверждения. В эпоху постправды верификация данных замещается эмоциональным сопричастием, а отрыв от реальности приобретает системный характер. Процессы фрагментации информационной среды и ухода в изолированные субъективные реальности затрагивают не только массовую аудиторию, но и профессиональные экспертные сообщества: политологов, социологов, историков и психологов, что создает дополнительные риски для научной объективности.

Если в традиционной парадигме электоральная аудитория состояла из физических лиц, то в цифровой среде общественное сознание подвергается интенсивному алгоритмическому воздействию, а волеизъявление имитируется виртуальными профилями и ИИ-агентами. Прогностические модели и цифровые двойники позволяют решать исследовательские и управленческие задачи без обращения к реальным дискуссиям, что за-

⁵ Феофанов К.А. Постправда – фактор деградации социально-политического дискурса // Обозреватель – Observer. – 2023. – № 2 (397). – С. 44. – DOI: 10.48137/2074-2975_2023_2_36.

частую трактуется как способ оптимизации ресурсов. Однако использование подобных моделей, даже при корреляции с фактическими показателями, не тождественно результатам эмпирических исследований и тем более не является актом подлинной политической воли избирателей. В долгосрочной перспективе данный процесс ведет к системному кризису верификации. Возникает феномен «выгоды лжеца» (*Liar's dividend*), когда тотальное недоверие к информации становится выгодным инициаторам манипуляций. Достижение реального общественного консенсуса оказывается невозможным вследствие его искусственной сконструированности. Классические демократические институты и органическое общественное мнение замещаются «алгоритмическим шумом» (*AI slop*)⁶ – продуктами автоматизации, практически неотличимыми от реакций реальных людей. В этих условиях происходит инверсия политического участия: аристотелевский «политический человек» (*Zoon politikon*, *политическое животное*) трансформируется в «человека алгоритмического». Цифровой дискурс автономизируется от реальных общественных настроений, создавая самодостаточную, но лишенную социального субстрата реальность.

Специфика «восточных» дипфейков и ИИ-пропаганды

«Восточная» модель цифрового дискурса характеризуется синтезом высоких технологий и неопатернализма. В отличие от западной парадигмы, где цифровизация рассматривается как инструмент индивидуальной свободы, в восточном ареале она служит укреплению политической иерархии и коллективизма. Роль закрытых экосистем мессенджеров (Telegram, WhatsApp, WeChat) здесь критически высока. В отличие от западной модели, где цифровизация воспринимается как инструмент индивидуальной свободы, в восточном дискурсе она часто становится инструментом укрепления политической иерархии. Ключевыми особенностями восточной модели выступают сакрализация технологической власти – государство выступает не просто регулятором, а «хозяином» и «создателем» цифровой реальности. Успехи в области ИИ и алгоритмического управления позиционируются как свидетельство мудрости лидера, становясь современным эквивалентом «небесного мандата». Критика алгоритмов приравнивается к посягательству на основы общественного порядка. Акцент с защиты персональных данных смещен на поддержание социальной стабильности. Тотальный сбор данных и системы социального скоринга трактуются как государственная забота о безопасности и благополучии народа. Власть наделяется этическим правом «видеть все» ради сохранения морального облика общества. ИИ-системы настраиваются на фильтрацию контента, который «вносит смуту» или оскорбляет куль-

⁶ Gandini A. et al. Conceptualising the 'algorithmic public opinion': Public opinion formation in the digital age // *Dialogues on Digital Society*. – 2025. – P. 10. – DOI: 10.1177/29768640251323147.

турные устои. В этом контексте борьба с дезинформацией превращается в инструмент защиты цивилизационного кода.

В восточной политической культуре алгоритмы управления наделяются статусом «беспристрастного судьи». Государственный код позиционируется как воплощение высшей справедливости, свободное от человеческих пороков – коррупции и эмоций. Это формирует феномен техно-сакральности, где подчинение алгоритму приравнивается к выполнению этического долга. Цифровой дискурс Востока глубоко антиколониален. Создание национальных нейросетей, поисковиков и метавселенных воспринимается как акт защиты «священных границ» цивилизации от западного влияния. Правитель в этой парадигме выступает гарантом цифрового суверенитета, что легитимирует любые меры контроля над информационными потоками. Защита персональных данных граждан зачастую используется как обоснование для «секьюритизации данных» – усиления государственного надзора и вытеснения иностранных технологических платформ. Методы влияния трансформировались от массового астротурфинга («фабрик троллей») к созданию высококонтекстуальных ИИ-аватаров. Эти системы способны виртуозно мимикрировать под локальные диалекты, учитывать тонкие культурные коды и религиозные нюансы, что делает синтетическую пропаганду практически неотличимой от органичного дискурса. «Мнимое простодушие нарративов (не требующих от человека ни особых компетенций, ни даже политического опыта), не только помогает политическим заявлениям проникать в глубокие структуры сознания, но и становится важнейшим источником понимания политического маневрирования, различения политических идеологий и определения проблем»⁷.

В противовес «горизонтальной» структуре западного сегмента Интернета, восточный цифровой дискурс строго иерархичен. Взаимодействие граждан с государством в цифровой среде приобретает черты ритуала: от использования специфических этикетных форм в общении с государственными ИИ-ассистентами до публичной демонстрации лояльности в комментариях. Инструментами формирования реальности в государственном управлении выступают «Оптимизация ответов ИИ» (*GEO, Generative Engine Optimization*). Официальный дискурс бесшовно интегрируется в базу знаний нейросетей, что превращает алгоритм в «высшего арбитра истины». Ответ нейросети воспринимается не как вариант данных, а как единственно верная интерпретация реальности. Традиционный страх перед публичным позором в цифровой среде усиливает самоцензуру. Это делает оппозиционный дискурс невидимым: он вытесняется не только блокировками, но и культурным кодом, не позволяющим ставить под сомнение авторитет власти в официальном поле.

⁷ Соловьев А.И. Нарративы в пространстве власти. Возможности и пределы нарративных политик // Политическая наука. – 2025. – № 2. – С. 22. – DOI: 10.31249/poln/2025.02.01.

Специфической проблемой стран Ближнего Востока и Центральной Азии является лингвистическая зависимость от западных технологий. Большинство больших языковых моделей (LLM) обучаются на датасетах, сформированных исследовательскими центрами США и Европы (Stanford, OpenAI, Google). Это порождает ряд деструктивных эффектов. При генерации контента на арабском, казахском или узбекском языках модели нередко навязывают западные либеральные установки или упрощенные культурные конструкторы. Происходит подмена локальных смыслов синтетическими шаблонами – так называемые «культурные галлюцинации» ИИ. В культурах, где критически важен институт личного авторитета (улемов, старейшин), использование ИИ для выдачи этических наставлений или фетв подрывает структуру общественного доверия. Появление «синтетических авторитетов», действующих в интересах узких политических групп, провоцирует глубокий кризис доверия в цифровом пространстве. ИИ-технологии эволюционировали от простой дезинформации к методам тотальной дискредитации. Дипфейки используются для имитации участия активистов в непопулярных или аморальных действиях. Такие «серые» методы борьбы с оппозицией крайне эффективны: они не просто искажают повестку, а разрушают репутационный капитал оппонентов власти, вызывая у аудитории заранее спроектированную негативную реакцию. В итоге цифровой дискурс превращается в поле высокотехнологичных манипуляций, где стирается грань между подлинным гражданским участием и синтетической компрометацией.

В целом восточная модель демонстрирует, что технологический прогресс не является синонимом демократизации. Напротив, происходит трансформация классической сакрализации власти в «цифровую теологию». В этой системе контроль осуществляется не через прямое принуждение, а через неоспоримый, этически нагруженный авторитет государственного алгоритма. Цифровизация на Востоке становится инструментом консервации и укрепления традиционных институтов. Технологии ИИ здесь не освобождают индивида, а достраивают иерархию до абсолюта, где «цифровая гармония» и государственная стабильность ценятся выше информационной прозрачности.

Эмпирические особенности использования социальных медиа для управления общественными настроениями в странах Ближнего Востока

В странах Персидского залива (прежде всего в ОАЭ и Саудовской Аравии) технологии искусственного интеллекта стали фундаментом новой государственной идеологии. Здесь ИИ используется как инструмент «цифрового неопатернализма», сочетающий в себе мягкую силу технооптимизма и жесткие механизмы алгоритмического контроля. Через скоординированные нейросетевые платформы и системы управления об-

щественным мнением формируется образ массовой народной гордости за мегапроекты. Это позволяет легитимизировать масштабные реформы и представлять правящие династии как прогрессивных лидеров, ведущих нацию в «безупречное будущее». Глобальные инициативы, такие как саудовская стратегия «Видение 2030», автономный город NEOM и кластеры Qiddiya, позиционируются не просто как инфраструктурные объекты, а как физическое воплощение технологического совершенства. ИИ в этих проектах выступает гарантом беспрецедентного комфорта и экологичности, становясь символом национального превосходства. Инновации в этом дискурсе наделяются сакральным смыслом: успех ИИ-решений преподносится как прямое доказательство исключительного права монарха на управление страной. В данной модели «умный город» становится идеальной средой, где алгоритмическое управление заменяет традиционные политические институты, обеспечивая лояльность через «технологический сервис». В монархиях Залива ИИ-пропаганда эволюционировала от простых методов убеждения к созданию целостной виртуальной реальности, в которой прогресс неразрывно связан с сохранением абсолютной власти. Технологии здесь не просто улучшают жизнь, а выступают высшим критерием политической правоты.

В Объединенных Арабских Эмиратах ИИ-стратегия сфокусирована на создании позитивного имиджа страны и обеспечении внутреннего социального спокойствия. В отличие от других моделей, здесь «синтетическая общественность» действует менее агрессивно, выполняя роль генератора «позитивного шума». Проекты «умных городов» (Masdar City, Digital Dubai) интегрируют ИИ не только для достижения углеродной нейтральности, но и для мониторинга общественных настроений. Информационное пространство автоматически заполняется контентом об инновациях и «государственном счастье», что смещает фокус граждан с политической повестки на вопросы урбанистики и качества жизни. Назначение министров по делам ИИ и внедрение продвинутых чат-ботов госуслуг создают иллюзию максимальной доступности власти. В этой модели алгоритмы становятся интерфейсом взаимодействия с государством, подменяя собой традиционные бюрократические институты и снижая потребность в классических формах политического участия. Масштабные инвестиции в ИИ подаются как путь к преодолению нефтяной зависимости. Гражданам предлагается экономическое процветание и технологический комфорт в обмен на лояльность и доверие к государственным алгоритмам.

Разработка семейства открытых языковых моделей Falcon вывела ОАЭ в лидеры региона. Публикация обучающих данных и методологий позиционируется как акт прозрачности, формирующий вокруг Эмиратов сообщество исследователей. Это позволяет стране выступать не просто потребителем, а «надежным игроком» и хабом ИИ, чьи решения в области логистики и управления энергией становятся стандартом для всего Ближнего Востока. ОАЭ демонстрируют модель, где ИИ превращается в инст-

румент «превентивного управления». Вместо прямого подавления здесь используется заполнение реальности образами будущего, где технологическое совершенство и личное счастье гражданина выступают главными аргументами в пользу сохранения статус-кво⁸.

Ключевым направлением применения ИИ-технологий с восточной спецификой является подавление диссидентского дискурса и укрепление репрессивного аппарата авторитарных режимов. Алгоритмы в реальном времени анализируют соцсети, выявляя «индексы настроений» и критику власти, что позволяет пресекать протесты на стадии зарождения. Использование ИИ-ботов для трансляции проправительственных нарративов маргинализирует оппозицию и создает иллюзию всеобщей лояльности. Путем радикализации риторики искусственно формируются образы «врагов народа» и эффект «осажденной крепости». Это переключает внимание общества с социально-экономических проблем на вымышленные угрозы, оправдывая ужесточение цензуры и ограничение гражданских свобод. Сочетание «мягкого техноутопизма» с жестким цифровым надзором позволяет монархиям Залива модернизировать авторитарное управление, делая тотальный контроль эффективным, но менее заметным. Масштабы манипуляций общественным мнением с помощью ИИ на Ближнем Востоке достигли беспрецедентного уровня. Согласно экспертным оценкам, интенсивность дезинформационных кампаний возросла в 5–7 раз⁹. Основные удары направлены на избирательные процессы, межконфессиональные отношения и региональные конфликты. Задокументировано формирование государственной инфраструктуры «дезинформации как услуги» (*Disinformation as a Service, DaaS*), где автономные системы генерации контента подрывают информационную целостность региона. Внедрение «агентного» ИИ позволяет планировать многошаговые операции с минимальным участием человека, используя дипфейки, таргетированную пропаганду и вмешательство в выборы как приоритетные инструменты влияния.

Иранская модель применения ИИ сфокусирована на внутренней консолидации и противодействии западному влиянию в периоды протестной активности. Государственные структуры через сеть подконтрольных прокси-групп создают «виртуальный актив» для продвижения религиозных и антизападных нарративов. Эта «синтетическая общественность»

⁸ Wodecki B. Inside Falcon: The UAE's open source model challenging AI giants // Capacity. – 05.02.2025. – URL: <https://capacityglobal.com/news/inside-falcon-the-uaes-open-source-model-challenging-ai-giants/#:~:text=III's%20work%20on%20Falcon%20has,RELATED%20STORIES> (дата обращения: 12.01.2026).

⁹ AI Disinformation & Security Threats from Africa & Middle East 2025–2026: Analysis of 189 Documented Campaigns Across 39 African Countries and 15 Middle Eastern Nations // Yahoo Finance. – 10.10.2025. – URL: <https://uk.finance.yahoo.com/news/ai-disinformation-security-threats-africa-144300559.html> (дата обращения: 12.01.2026).

используется для дезориентации протестующих: внедряются фейковые чаты координации и распространяются дипфейк-видео, подрывающие доверие к лидерам мнений.

Напротив, израильская модель в условиях текущих конфликтов (Газа, Ливан, Иран) ориентирована на внешнюю аудиторию и психологические операции (*PsyOps*). Передовые ИИ-алгоритмы в реальном времени дискредитируют враждебную риторику и генерируют массовый персонализированный контент для дестабилизации противника изнутри (например, для разжигания противоречий между ливанскими фракциями). При этом автономные ИИ-агенты на основе мониторинга трендов способны самостоятельно выбирать цели для информационных атак.

Эмпирические особенности формирования «синтетической общественности» в странах Центральной Азии

В странах Центральной Азии использование ИИ для управления лояльностью имеет свою специфику, отличную от монархий Залива. В основе лежит концепция «цифрового суверенитета», согласно которой ИИ-технологии выступают не только инструментом управления лояльностью, но и гарантом защиты от внешнего информационного влияния. Этот подход трансформировался в комплексную систему контроля над цифровой инфраструктурой, данными и контентом. Технологии используются для обеспечения внутренней стабильности в условиях глобализации, позволяя государствам региона минимизировать доминирование иностранных IT-гигантов и купировать риски «экспорта нестабильности» через социальные медиа. Во всех странах региона развернуты ИИ-агенты нового поколения, способные поддерживать сложные дискуссии и адаптироваться к лингвистическим особенностям местных сообществ. Эта «синтетическая общественность» стала инструментом влияния не только внутренних сил, но и внешних геополитических акторов. Через локальные сетевые ресурсы и медиа Китай, Россия, США и ЕС продвигают собственные нарративы, используя продвинутые алгоритмы для имитации органической поддержки среди граждан и манипуляции общественным мнением в интересах экстрарегиональных игроков.

В Казахстане 2026 год, официально объявленный «Годом цифровизации и искусственного интеллекта», ознаменовался усилением государственного надзора и принятием первого в регионе закона об ИИ¹⁰. Этот документ нацелен на пресечение цифровых манипуляций и защиту национального информационного пространства. Узбекистан, демонстрируя вы-

¹⁰ Kazakhstan Declares 2026 Year of Digitalization and AI // The Caspian Post. – 06.01.2026. – URL: <https://caspianpost.com/kazakhstan-declares-2026-year-of-digitalization-and-ai#:~:text=Kazakh%20President%20Kassym-Jomart%20Tokayev,AI%20priorities%20for%20the%20year> (дата обращения: 12.01.2026).

сокие темпы инвестиций в ИИ-инфраструктуру, сталкивается с дефицитом этического регулирования, что создает уязвимости для информационной безопасности. В то же время Таджикистан и Киргизия с конца 2025 г. перешли к реализации единых региональных стандартов цифровой безопасности, направленных на коллективное противодействие дезинформации и распространению синтетических слухов.

Цифровой суверенитет трактуется как полный контроль государства над национальным сегментом Интернета, данными граждан и программной экосистемой. Чтобы исключить зависимость от западных разработок, в сфере ИИ внедряются национальные продукты, которые позиционируются как символ технологического прогресса и инструмент «мягкой силы». По аналогии с ближневосточными моделями, практическое применение ИИ в Центральной Азии сфокусировано на предиктивном мониторинге инфополя. Алгоритмы в реальном времени сканируют соцсети и мессенджеры, выявляя индексы «социальной напряженности». Это позволяет режимам купировать протестную активность еще на стадии зарождения. При обнаружении тематических «аномалий», указывающих на критику элит, система автоматически блокирует источники контента, предотвращая их вирусное распространение.

В отличие от европейских норм, ограничивающих использование биометрии, в странах Центральной Азии технологии распознавания лиц интегрированы в механизмы мониторинга общественного поведения. Детальные цифровые профили, агрегирующие данные о транзакциях, геолокации и контактах, позволяют в предиктивном режиме подавлять любую оппозиционную активность¹¹. Несмотря на дискуссии об угрозах ИИ, попытки регулирования генеративных моделей и дипфейков пока не привели к созданию эффективных правовых барьеров. Вместо этого усилия сосредоточены на технологической коррекции уже действующих алгоритмов политического контроля. Статистика подтверждает масштаб экспансии: с 2023 г. количество ИИ-кампаний по дезинформации выросло на 350–500%, а к концу 2026 г. прогнозируется рост до 600%. К 2029 г. ожидается пятикратное увеличение числа продуктов на базе ИИ¹². Став фундаментом «технологического авторитаризма», искусственный интеллект обеспечивает лояльность населения через сочетание удобных госуслуг и

¹¹ Central Asia's AI Pursuit: A Tale of Ambition and Progress // The Times of Central Asia. – 06.03.2025. – URL: <https://timesca.com/central-asias-ai-pursuit-a-tale-of-ambition-and-progress/#:~:text=While%20Kazakhstan%20and%20Uzbekistan%20are,tangible%20economic%20and%20technological%20progress.&text=Andrei%20Matveev%20is%20a%20journalist%20from%20Kazakhstan> (дата обращения: 12.01.2026).

¹² AI Disinformation & Security Threats from Africa & Middle East 2025–2026: Analysis of 189 Documented Campaigns Across 39 African Countries and 15 Middle Eastern Nations // Yahoo Finance. – 10.10.2025. – URL: <https://uk.finance.yahoo.com/news/ai-disinformation-security-threats-africa-144300559.html> (дата обращения: 12.01.2026).

системы тотальной цифровой прозрачности. При этом прозрачность касается исключительно граждан, тогда как сами алгоритмические механизмы управления остаются закрытыми для общества.

Различия между странами региона обусловлены глубиной цифрового контроля и способами имитации гражданской активности. В Казахстане, при высоком уровне цифровизации, соцсети и мессенджеры окончательно вытеснили традиционные медиа. «Синтетическая» повестка здесь формируется через сеть лидеров мнений и Telegram-каналов, работающих по государственному заказу. Низкая критичность аудитории к источникам делает манипуляции с использованием ИИ-контента максимально эффективными. Узбекистан внедряет гибридную модель: государство поощряет контролируемое участие через цифровые порталы и общественные советы, имитируя диалог с властью. Доминирует алгоритмическая модерация: ИИ в реальном времени фильтрует критику и превентивно наполняет обсуждения законопроектов лояльными ИИ-комментариями. В Таджикистане и Туркменистане пространство для независимого дискурса практически ликвидировано. «Синтетическая общественность» здесь достигла апогея: мнение граждан полностью заменено цифровыми ритуалами одобрения. Если в Таджикистане сохраняется жестко цензурируемый сегмент онлайн-медиа, то в Туркменистане ИИ-инструменты имитации поддержки функционируют в условиях почти полной информационной изоляции, создавая стерильную цифровую среду. В отличие от соседних государств, в Киргизии «синтетическая общественность» не монолитна. Существуют конкурирующие группы «троллей» и платных активистов, представляющих разные политические кланы. Это создает иллюзию бурных общественных дискуссий, которые на самом деле являются продуктом политтехнологий.

* * *

«Синтетическая общественность» в регионах Ближнего Востока и Центральной Азии окончательно трансформировалась из ситуативного инструмента пропаганды в фундаментальный механизм государственного управления. Данный феномен представляет собой симбиоз технологий искусственного интеллекта, алгоритмического управления и государственного патернализма. В условиях цифровой алгоритмизации «синтетическая общественность», состоящая из сетей ботов, ИИ-инфлюенсеров и автоматизированных систем модерации, позволяет авторитарным и гибридным режимам превентивно стерилизовывать информационное пространство. Вместо прямой цензуры в качестве инструмента тотального политического контроля используется стратегия алгоритмического вытеснения – создание искусственного большинства, которое маргинализирует оппозиционные нарративы, делая их невидимыми для рядового пользователя. Контроль осуществляется не через запрет, а через имита-

цию «народного одобрения», что подрывает саму возможность формирования независимого общественного мнения. В странах Ближнего Востока (особенно в монархиях Залива) и Центральной Азии синтетические платформы используются для моделирования «идеального гражданина» и в качестве механизма конструирования новой идентичности. Через государственные ИИ-алгоритмы транслируются новые культурные коды, сочетающие цифровой модернизм с лояльностью традиционным институтам. Синтетическая среда создает ощущение сопричастности к масштабным национальным проектам, конструируя коллективную идентичность, базирующуюся на техно-оптимизме и государственном суверенитете.

Цифровизация общественно-политического дискурса привела к тому, что коллективная идентичность в этих регионах теперь формируется не в ходе органического, делиберативного диалога, а в результате работы рекомендательных систем. «Синтетическая общественность» задает рамки дозволенного и желаемого поведения, превращая политический процесс в управление пользовательским опытом. В итоге общественное сознание адаптируется к алгоритмам, принимая искусственно созданные нормы за естественный результат эволюции общества. На Ближнем Востоке и в Центральной Азии «синтетическая общественность» – это не просто «фабрика фейков», а высокотехнологичная экосистема социального инжиниринга. Она успешно решает задачу легитимации режимов в цифровую эпоху, подменяя стихийную гражданскую активность управляемым алгоритмическим процессом. Таким образом, новая коллективная идентичность в этих регионах становится продуктом целенаправленного цифрового синтеза, где грань между реальными чаяниями населения и программным кодом государства практически отсутствует.

Список источников и литературы

1. Иванов В.Г., Игнатовский Я.Р. Deepfakes: перспективы применения в политике и угрозы для личности и национальной безопасности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. – 2020. – Т. 7, № 4. – С. 379–386. – DOI: 10.22363/2312-8313-020-7-4-379-386.
2. Соловьев А.И. Нарративы в пространстве власти. Возможности и пределы нарративных политик // Политическая наука. – 2025. – № 2. – С. 18–40. – DOI: 10.31249/poln/2025.02.01.
3. Феофанов К.А. Постправда – фактор деградации социально-политического дискурса // Обозреватель – Observer. – 2023. – № 2 (397). – С. 36–51. – DOI: 10.48137/2074-975_2023_2_36.
4. AI Disinformation & Security in Asia/China/India/Russia Zone 2026 // Research and Markets. – 09.2025. – 412 p. – URL: <https://www.researchandmarkets.com/reports/6174098/ai-disinformation-and-security-in#:~:text=This%20comprehensive>

- %20412-page%20intelligence,of%20sophisticated%20AI%20disinformation%20infrastructure (дата обращения: 12.01.2026).
5. AI Disinformation & Security Threats from Africa & Middle East 2025–2026: Analysis of 189 Documented Campaigns Across 39 African Countries and 15 Middle Eastern Nations // Yahoo Finance. – 10.10.2025. – URL: <https://uk.finance.yahoo.com/news/ai-disinformation-security-threats-africa-144300559.html> (дата обращения: 12.01.2026).
 6. Central Asia's AI Pursuit: A Tale of Ambition and Progress // The Times of Central Asia. – 06.03.2025. – URL: <https://timesca.com/central-asias-ai-pursuit-a-tale-of-ambition-and-progress/#:~:text=While%20Kazakhstan%20and%20Uzbekistan%20are,tangible%20economic%20and%20technological%20progress.&text=Andrei%20Matveev%20is%20a%20journalist%20from%20Kazakhstan> (дата обращения: 12.01.2026).
 7. Cohen J. Deliberative Democracy: Essays on Reason and Politics / ed. by Bohman J., Rehg W. – Cambridge, MA: The MIT Press. – 1997. – 447 p.
 8. Gandini A. et al. Conceptualising the 'algorithmic public opinion': Public opinion formation in the digital age // Dialogues on Digital Society. – 2025. – P. 1–16. – DOI: 10.1177/29768640251323147.
 9. García-Marzá D., Calvo P. Algorithmic democracy: A critical perspective based on deliberative democracy. – Cham: Springer International Publishing. – 2024. – 257 p.
 10. Kazakhstan Declares 2026 Year of Digitalization and AI // The Caspian Post. – 06.01.2026. – URL: <https://caspianpost.com/kazakhstan/kazakhstan-declares-2026-year-of-digitalization-and-ai/#:~:text=Kazakh%20President%20Kassym-Jomart%20Tokayev,AI%20priorities%20for%20the%20year> (дата обращения: 12.01.2026).
 11. USA AI Disinformation & Security Report 2025 | AI Disinformation Threats Soar: 500–800% Increase by 2026 Projected in US // Yahoo Finance. – 10.10.2025. – URL: <https://uk.finance.yahoo.com/news/usa-ai-disinformation-security-report-144200833.html> (дата обращения: 12.01.2026).
 12. Volpe A. Toward an artificial deliberation? On Google DeepMind's Habermas Machine // Ethics and Information Technology. – 2025. – Vol. 27, № 4. – DOI: 10.1007/s10676-025-09854-1.
 13. Wodecki B. Inside Falcon: The UAE's open source model challenging AI giants // Capacity. – 05.02.2025. – URL: <https://capacityglobal.com/news/inside-falcon-the-uaes-open-source-model-challenging-ai-giants/#:~:text=TH's%20work%20on%20Falcon%20has,RELATED%20STORIES> (дата обращения: 12.01.2026).
 14. Хабермас Ю. Теория коммуникативного действия. В 2 т. Habermas J. Theorie des kommunikativen Handelns. 2 Bd. – Frankfurt am Main: Suhrkamp. – 1981. – 1165 S. – Немец. яз.